

И.С. КАДОЧНИКОВА (*Ижевск, Россия*)

УДК 821.511.131-1(Парамонов В.)
ББК ШЗЗ(2Рос. Удм)63-8,445

«РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ»: О КНИГЕ ВЛАДИМИРА ПАРАМОНОВА «ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ»

Аннотация. Статья посвящена творчеству В. Парамонова (1945-2001), который является одним из значимых представителей поэзии Удмуртии конца XX-го века. В центре итоговой книги поэта, «Переходный возраст» (2016 г.), – вопрос о движущих силах исторического процесса. Согласно историософии автора, исторический процесс носит отнюдь не надличностный характер, а творится человеческими силами – совместными силами власти и народных масс. По мысли Парамонова, как государственная власть ответственна за судьбу народа, так и народ не в меньшей степени ответственен за свое настоящее. Интертекстуальный пласт лирики Парамонова, связанный с именами Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Некрасова, Блока, отсылает к вопросу о пути России, о её грядущем преображении и великом предназначении. Поэт утверждает идеал служения родине через творчество, что и предопределило гражданский пафос его стихотворений.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, удмуртские поэты, поэтическое творчество, поэтическая историософия, личность в истории.

Филолог из Екатеринбурга Л.П. Быков на круглом столе, посвященном итогам литературного года - 2003, высказался о тенденциях в развитии поэзии конца XX-го столетия: «Нередко даже считается, что поэзия XX века – это по преимуществу *суггестивная лирика*, поэзия “высокого косноязычия”, по формуле совсем не косноязычного Гумилева <...> Но, с другой стороны, на рубеже тысячелетий стало ясно, что поэзия *прямого высказывания* не исчерпала себя, что сейчас она чувствует себя столь же уверенно, как и два столетия назад» [Хрущева 2004: 90]. В.А. Зайцев в статье о художественно-стилевых течениях в русской лирике начала XXI в. также отметил, что, несмотря на пост-модернистские и авангардные установки в современном искусстве, ориентация на «реалистическую линию развития поэзии» обнаруживает себя в творчестве целого ряда авторов – В. Корнилова, А. Кушнера,

О. Чухонцева, Ю. Кублановского, Н. Горбаневской и др. [Зайцев 2009: 18].

В русскоязычной поэзии Удмуртии второй половины XX в. продолжение традиций реалистической лирики находим в творчестве Владимира Парамонова.

Владимир Парамонов родился в 1945-м году в г. Улан-Удэ в рабочей семье переселенцев из Воткинска. В 1950-м году семья возвратилась на родину. Служил на Тихоокеанском флоте, работал слесарем, мастером на Воткинском заводе, журналистом, воспитателем в детском приюте. В 1983 г. Парамонов был принят в Союз писателей СССР. С 1986-го года руководил воткинским городским литературным объединением [Корамыслов 2016: 4-5]. Скоропостижно скончался 1 февраля 2001 года.

В разное время поэт издал сборники стихотворений: «Беспокойство» (1978), «Прямая» (1982), «До востребования» (1988), «Невольники свободы» (1995). Эти книги получили осмысление в критических работах З. Богомоловой [Богомолова 1981], Н. Злотникова [Злотников 2003], О. Поскребышева [Поскребышев 1987], И. Розенберга [Розенберг 1995], В. Чулкова [Чулков 1989].

Пятая книга поэта – «Переходный возраст» – была собрана автором за несколько дней до смерти, но увидела свет только в 2016 году. «Переходный возраст» – итоговая книга, которую составили стихотворения, написанные на исходе XX-го века.

Название связано с двумя идеями. С одной стороны, «переходный возраст» – метафора постоянной внутренней динамики, свойственной лирическому герою, который всегда находится на грани между собой-вчерашним и собой-новым, который, как взрослеющий подросток, полон мучительных вопросов – о добре и зле, о смысле жизни, о будущем: «И длилась жизнь, вся переходный возраст, / Но это предстояло мне / Открыть» [Парамонов 2016: 7]. С другой стороны, идея переходного возраста связана не только с психологическим опытом личности, но и с трагическим опытом русской истории, где переход всегда есть перелом: «Все ПЕРЕЛОМЫ у нас да все “К ЛУЧШЕМУ”, что характерно, / Так вот и нынче опять же ВЕЛИКИЙ грядет ПЕРЕЛОМ» [Парамонов 2016: 56].

Творческий путь В. Парамонова пришелся на те десятилетия, когда в сознании советского человека происходила переоценка исторического и социального опыта. Особенно напряженный характер эта переоценка носила в постперестроечные и уже постсоветские годы, связанные с размышлениями по поводу судьбы России в целом. Твор-

ческой сверхзадачей поэта, глубоко лично переживавшего катаклизмы XX-го века, стало осмысление современной автору общественно-политической ситуации, что определило основной пафос его позднего творчества, который можно определить как гражданско-публицистический.

Рефлексируя по поводу русской лирики, литературовед И.И. Плеханова выделила типы осмысленного отношения к слову в поэзии второй половины XX в.: *мифологическая поэзия, поэзия воли, поэзия стихии, поэзия словесной игры, поэзия как воля языка и поэзия правды* [Плеханова 2007]. Для последней – поэзии правды – характерно отношение к слову как хранителю экзистенциального долженствования. Такая поэзия предполагает «обнаружение этических норм существования» [Рыбальченко 2008: 126], «относительность языка» и «признание возможностей творца вносить смыслы и слова в бытие» [там же]. Феномен, обозначенный И. Плехановой как «поэзия правды», связан с «установкой на авторитетное слово, обращенное к поиску и высказыванию истины» [Рыбальченко 2008: 124]. Неудивительно, что в силу своей актуальности и злободневности такая поэзия часто оказывается «несвоевременно правдивой»:

*Поэт в тоске... Но дух его – на воле.
А коль он весь – свобода и порыв,
То часто наступает на мозоли –
Тем,
Что несвоевременно правдив.*

*Ай-яй, несвоевременная правда,
Когда ты своевременной была?*

[Парамонов 2016: 89].

Установка на поиск правды предопределила центральный объект поэтической рефлексии автора. Этот объект – История.

С одной стороны, правда истории – в её надличностном характере. Осмысляя опыт прошлого и современности, Парамонов, казалось бы, говорит о стихийной природе исторического процесса, который, обнажая в человеке звериное начало, тем не менее, всегда находится «по ту сторону добра и зла», поскольку его жертвами становятся и «правые» и «неправые»:

*Под Колесом Истории
Всем нам найдется место.
Сметет, кого ни бросят, –
И добрых и подлецов...
И люди сбиваются в своры,
И в руки берут железо
И дружно друг друга косят –
Рядами –
Под колесо...*

[Парамонов 2016: 25].

Известный английский экономист А. Смит обратил внимание на специфическую особенность исторического процесса, на своего рода «хитрость разума истории», которой он дал название «невидимая рука»: «“Невидимая рука” – это стихийное действие объективных законов жизни общества. Эти законы действуют помимо воли отдельных людей и нередко против их воли. В истории стихийное проявляется часто в борьбе не столько “за”, сколько “против”, так сказать, в виде голого отрицания: протеста, отчаяния, ненависти, утраты веры в незыблемость существующих порядков, выражает как бы возмущение иррациональных глубин человеческого духа. Для стихийности исторического развития характерно то, что люди не сознают объективно складывающихся общественных последствий своей деятельности» [Спиркин 2002: 511]. Результатом человеческой активности, носящей неосознанный характер и направленной на реализацию стихийных интересов («люди сбиваются в своры»), может быть только социальная катастрофа, в которой все уравниваются как жертвы «невидимой руки». Но в случае, когда участники исторического процесса действуют в соответствии с бессознательными, иррациональными установками, стадным инстинктом, степень их ответственности за трагический результат может быть сведена к минимуму. Один из философских выводов Парамонова заключается в следующем: даже в ситуации всеобщей ненависти, ведущей к катастрофическим последствиям («И в руки берут железо, / И дружно друг друга косят...»), но при этом верша зло «по неразумению», человек в некоторой степени заслуживает оправдания и прощения, поскольку его вина – трагическая:

*Но я уповать посмею:
И в эти года глухие –
И в нынешней подлой драке,*

*Какая вокруг идет, –
Что люди куда умнее,
Они совсем не такие:
И вовсе не как собаки,
А даже – наоборот!*

[Парамонов 2016: 26].

Речь в этих стихах идет о народных массах, удел которых – страдать вместе со своей страдающей родиной, неосознанно осуществляя замысел тех, кому дозволено «кровью вен Истории страницы / Писать» [Парамонов 2016: 123]. Рефлексия по поводу роли личности в истории и ответственности за судьбу народа и родины – одна из магистральных задач автора, которую он решал на протяжении всего творческого пути.

В книге «Переходный возраст» объективируется сознание человека, которого вдруг предали вчерашние кумиры, и это предательство обернулось для него экзистенциальным ужасом, поскольку вместе с падением кумиров был потерян обетованный рай – «светлое будущее». Речь по преимуществу идет о современнике эпохи 90-х, установившей новый – безбожный – «Порядок» и «Уклад» и отменившей вчерашние культы и идеалы (стихотворения «На заре капитализма», «Новые времена. Констатации», «Выходил на дорогу», «Развитие по спирали» и др.):

*Мы изучали Ленина дотошно,
Сводя с концами, так сказать, концы
И творчески осваивая то, что
В наследство нам оставили отцы <...>*

*Всю жизнь мы эстафету Поколений
Тащили, надрываясь и кряхтя, –*

*Да так, что и спина (и ниже) – в мыле...
Но выяснилось вдруг, ядрена мать:
Те, кто вели нас, все порастащили,
И нечего уже передавать...*

[Парамонов 2016: 60].

Трагизм состоит в том, что для российского государства движение «вперед» – это всегда путь «совсем не туда», о чем свидетель-

ствуют не только итоги перестройки, но и вообще вся отечественная история, несущая на себе печать горькой предопределенности:

*К сожалению, шли мы совсем не туда, –
Ах, пардон! – не на тот, понимаете ль, свет...
Не туда нас привел Боевой Авангард:
То ль пропился и сдал Идеалы в ломбард,
То ль в наличии не было правильных карт,
То ль «Авророй» был дан не в ту сторону старт.*

[Парамонов 2016: 171].

Неслучайно один из сквозных мотивов творчества поэта – мотив пути, заявленный еще в раннем творчестве. Так, название второго сборника – «Прямая» – указывало на идеал духовного пути личности: «прямая дорога» связывается с представлениями о совести, нравственности, честности. В позднем творчестве мотив пути сопряжен с идеей исторического тупика: это трагический путь, по которому движется Россия, – путь «через Ад», полутьму, беспросветность, грязно-розовый туман, через «снега и поземку ненастья», без дороги, без привала, без жратвы». Социальные эксперименты, осуществляемые сначала советской властью, затем – «новой», постсоветской, проходившие под лозунгами «один лишь ВЕРНЫЙ ПУТЬ», «Светлый путь», как показывает Парамонов, в России всегда оборачивались эпохальной неопределенностью: «Тычется невнятная дорога // В чисто поле, под гору, во тьму» [Парамонов 2016: 75]. Итог такого пути – глубокий экзистенциальный и онтологический кризис: «И шагали, словно плыли, / По течению гребли: / Вслед за Ним – ВПЕРЕД... К Могиле» [Парамонов 2016: 84].

Осмывая ход истории, автор словно актуализирует идею «вечного возвращения», сформулированную в свое время Ф. Ницше: «развитие по спирали» для российского государства связано с постоянным разочарованием в драматичном эпохальном опыте и возвращением в абсолютное начало – в ту нулевую точку, из которой удобно грезить про «Золотой упоительный век». Казалось бы, вина за трагическую логику исторического процесса лежит на совести представителей власти, которые в России никогда не служили Отечеству:

*Им вечный бой не снился и не снится.
Отечества им горек черный дым* [Парамонов 2016: 123].

В оценке, данной власти, автор сближается с интеллигенцией XIX-го века и начала XX-го, отсюда – отсылки к Грибоедову и Блоку. В то же время, если привести в исходном виде строки из «Горе от ума» и цикла «На поле Куликовом», то становится очевидным, что в них утверждается идеал служения родине – причем, со стороны отдельной личности, осознающей себя субъектом истории и готовой нести ответственность за судьбу России: «И вечный бой! Покой нам только снится...», «И дым Отечества нам сладок и приятен». Болезнь эпохи, по мысли Парамонова, состоит даже не столько в том, что вчерашние «гносные подонки» «нынче нас учат, как честно и праведно жить» [Парамонов 2016: 54], сколько в абсолютной социальной пассивности русского человека, готово идти за очередным «вождем», полностью снимая с себя ответственность за прошлое, настоящее и будущее. Удел «толпы под названием “народ”» – слепо следовать чужим указаниям, веками месить «беспросветную вечную русскую грязь» [Парамонов 2016: 170]. В этом и трагедия, и вина народа перед русской историей.

Так, в стихотворении «Траур» с подзаголовком «ретро» «оплакивается» смерть одного из вождей коммунизма. Его имя не называется, а заменяется местоимением «Он» как знаком мифологизации, героизации и обожествления исторической персоны, в которой по описаниям угадывает Брежнев:

*Долго ахали – хвалили,
Возносили до небес:
Губы в пене, перья в мыле... –
Темный лес! –
Видно, – чтобы вновь воскрес:*

*Снова – крепкое здоровье,
Снова сердце – как часы,
И орлиный взгляд, и брови,
Как у Сталина – усы.
... Дескать, Он – Отцу и Сыну
И Святому Духу – брат:
Не пора ли, мол, грудину
Подрасширить – для наград?*

*Жил-служил и правил нами
Как Победы гордый клич,
Наша Сила, наше Знамя,*

*Наша Гордость – наш... э-э..
ИЛЬИЧ!!!*

[Парамонов 2016: 81-82].

Однако предметом сатирического изображения является не очередной «Отец народа» (фигура Брежнева носит обобщающий характер, символизируя культ личности как таковой), но сам народ – темный в своей ветхой бессознательности:

*Нет в народе умиления,
Уж такой народ тупой:
То он слеп от поклоненья,
То от ярости слепой.*

Развенчание культа личности оборачивается для массы надеждой на явление нового Бога, которому ведом путь к «светлому будущему»:

*Мысли, мысли, мысли – гложут,
Дума на сердце скребет:
Кто там следующий: – КТО ЖЕ
Нас к ПОБЕДАМ поведет?...*

[Парамонов 2016: 84].

Выделенные автором слова могут быть прокомментированы по-разному. На уровне прямого значения – речь идет о слепой вере народа в грядущее «замечательное время». Но на уровне подтекста утверждается обратное: слово «ПОБЕДЫ» содержит в себе иронический смысл, и авторская позиция заключается в критической оценке опыта советской эпохи.

Приведенные контексты раскрывают историософию Парамонова, согласно которой исторический процесс носит отнюдь не надличностный характер, но творится человеческими силами – совместными силами власти и народных масс. И как государственная власть ответственна за судьбу народа, так и народ не в меньшей степени ответственен за свое настоящее. И хотя поэт с болью в сердце констатирует тот факт, что российская власть «генетически» греховна («Предвыборное»), нравственный и исторический выбор всегда остается за отдельной личностью: «Мы сами строим собственные тюрьмы / И свой недосяжимо-светлый рай» [Парамонов 2016: 119]. В условиях тоталитаризма, несвободы, идеологических шор, крушения идеалов самое страшное, что может произойти с человеком, – это утрата им челове-

ческого лица, готовность совершить «делку с совестью», ссылаясь при этом на жестокость времени:

*А вдуматься: вот дела ведь –
Поскольку охота кушать, –
Смиривши свой дух мятежный,
На совесть прикрикнешь: «Брысь!» –
И вынужден лаять, лаять... –
Поскольку вынужден слушать
И слушаться – и прилежно –
Кого прикажут, загрызть*

[Парамонов 2016: 25].

Герои Парамонова несут на себе трагическую печать эпохи. У них «собачья жизнь, собачьи должности, собачьи страсти и амбиции», и сами они, сбиваясь в толпу, похожи на «собачью свору» (уже цитированное стихотворение «Ветер из-под колес»). Когда жизнь превращается в драку за «то, что причитается по талону», они готовы в этой драке потерять достоинство («Похмелеолог или воспоминание о талонах»); когда время требует «не выделяться», «быть, как все», они до последнего готовы самоутверждаться, принимая другого, – того, кто, может быть, в этой драке сумел мужественно остаться собой («Серый человек»). В конечном счете, таким «героям времени» ничего не стоит продать «за стакан» или «за миллион» душу, ближнего, родину:

*Уколет сердце злая ржавая игла,
И плачет сердце, как злодей перед иконами.
Я продал родину. Печаль моя светла...
Куда теперь пойти-податься
С миллионами?*

[Парамонов 2016: 96].

В этом – подлинная трагедия России, народ которой – униженный, ветхий, внутренне несвободный, так и не изживший комплекс раба и компенсирующий его слепой «волей к власти» («люди... / дружно друг друга косят – / Рядами – / Под колесо...»). Однако и в этих униженных, темных массах, в которых много животного, стадного, порочного, стихийного, иррационального, сокрыты внутренние силы, способные стать залогом грядущего преображения России.

Стихотворение «Роль личности в истории» снова отсылает к извечному вопросу о движущих силах исторического процесса. Объективизируя сознание власти, автор раскрывает её отношение к народу как сосредоточию «убогих», «слепых», «рожденных ползать», судьба которых полностью находится в руках «Отцов Отечества»:

*Их речи, словно огненные копья,
Пронзят толпы бездейственную рать?
Кто им укажет твердою рукою
Туда, где ни хрена не увидеть?*

*Народ тогда хорош, когда он – масса,
Когда вожди ведут его вперед,
А также – в виде пушечного мяса
Или – когда безмолвствует народ*

[Парамонов 2016: 123].

В отечественной историософии и философии вопрос о роли личности в развитии общества всегда был одним из центральных. Так, русские народники 70-80-х гг. хоть и «сочувствовали бедствиям русского народа, но не видели в нем никакой исторической значимости»: «Для них русский народ представлял собой нечто вроде бесконечного количества “нулей” ... Для П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского толпа всегда остается толпой, даже если она направляется выдающимися историческими личностями. Толпа идет за исторической личностью туда, куда её поведут». [Логинов 1997: 199].

Обращаясь к известному факту манипуляции власти толпой, Парамонов актуализирует проблему необходимости превращения слепой массы в народ – в силу, осознающую собственную ответственность за историю и современность.

Антитеза «толпа/народ» в данном случае важна принципиально, и восходит, безусловно, к Пушкину, неслучайно стихотворение «Роль личности в истории» отсылает к трагедии «Борис Годунов» (строка «или – когда безмолвствует народ»).

У Парамонова выражение «народ безмолвствует», на первый взгляд, связано с представлением о безропотном подчинении «убогих и слепых» воле «властителей». Но подлинный смысл строки проясняется при обращении к финалу пушкинской пьесы, который в силу своей загадочности не поддается однозначной трактовке.

Вот что писал В.Г. Белинский по поводу «окончания трагедии» Пушкина: «Когда Мосальский объявил народу о смерти детей Годунова, – *народ в ужасе молчит...* Отчего же он молчит? разве не сам он хотел гибели годуновского рода, разве не сам он кричал: “вязать Борисова щенка”?.. Мосальский продолжает: “Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!” – *Народ безмолвствует...* В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, изрекающей суд свой над новою жертвою – над тем, кто погубил род Годуновых...» [Белинский 1954: 534].

В свете сказанного проясняется смысл фразы «безмолвствует народ» из стихотворения В. Парамонова, тем более что автор актуализирует её еще в одном тексте, также посвященном вопросу о личности в истории:

*А новый день нам что-то подытожит
И в прошлом синим пламенем сгорит.
Когда народ безмолвствует, он тоже
Довольно много этим
Говорит*

[Парамонов 2016: 89].

В то время как власть воспринимает молчание за пассивность, в действительности оно может означать позицию осуждения и сопротивления. И хотя активное начало в народных массах, по логике Парамонова, проявлено крайне слабо, автор призывает общество к рефлексии, отмечая при этом ту внутреннюю мощь, которая свойственна человеку как родовому существу, а тем более – человеку «униженному и оскорбленному», в действительности способному не просто на стихийный, но осмысленный, «выношенный» протест. Убогая, голодная, нищая Россия еще может осуществить акт возмездия, искоренив «мировое зло» в лице бесчеловечной, звероподобной власти и, восстановив, таким образом, справедливость. Эта идея раскрывается в стихотворении «Собачья свадьба» (вообще «собачий» мотив является одним из сквозных в творчестве поэта):

*Народ – как бедный родственник России
В смурном тиру, где пьянствуют и жрут,
Куда его не звали, не просили,
И он случайно оказался тут...*

*И – натоцак – ты рюмку пьешь отважно... –
Но сразу – вопли среди элитных рыл:
– Сермяжный пьян!... Ты что это, сермяжный,
Всего с наперсток выпил – и поплыл!...*

*– Да кто ж так пьет?
– Налог ему – и в угол!..
– Он вечно пьян, и это – не секрет!
– Небось, уже бессовестно профукал
Неповторимый наш менталитет!..*

*– Он и сейчас не евши ходит даже –
Из хитрости и подлости своей!..
– Сермяжный деградировал!
– Сермяжный
Рожает недоношенных детей!..*

[Парамонов 2016: 63].

Слово «сермяжный», по данным словарей, имеет несколько значений: крестьянский, бедняцкий, грубый, простой. Как правило, это слово употребляется в составе устойчивого словосочетания «сермяжная правда», то есть «простая и неприукрашенная, но глубокая истина». «Сермяжный» народ – нищий, обездоленный. «Сермяжный» у Парамонова похож на юродивого, обнажающего изнанку мира. Эта изнанка и есть горькая правда русской жизни. Еще одна «сермяжная» правда состоит в том, что у народа отняли родину:

*... В своей родной хоромине – и здрасте: –
Чуж-чуженин... не зван... не ко двору...
Так Одиссей, вернувшийся из странствий,
Случайно оказался на пиру.*

*А женихи, народец расторопный, –
Галдят, злаченой упряжью слепя,
Куражась перед Русью-Пенелопой,
Ее пророча замуж
За себя...*

[Парамонов 2016: 63-64].

Сюжет о порабощении России и дал название стихотворению – «Собачья свадьба». Закономерно возникает вопрос: кто эти пирующие «женихи», которые так «куражатся перед Русью-Пенелопой»? В-первых, это сама государственная власть как таковая, греховность которой в свое время раскрыли Гоголь и Салтыков-Щедрин. В стихотворении «Собачья свадьба» имплицитно известна дихотомия «Россия (Русь) / государство», глубоко осмысленная Гоголем в «Мертвых душах»: «Россия» («Русь») – понятие, связанное с духовной жизнью народа, с его человеческой глубиной, в то время как категория «государства» сопряжена с идеей бездуховного, порочного чиновничества.

Во-вторых, мотив свадебного пира, где невестой является сама «Русь-Пенелопа», соотносится в творчестве Парамонова с проблемой политической экспансии, в частности, американизации русской культуры, о чем в аллегорической форме говорится в стихотворении «Колорадская битва»:

*Чужое-то – оно конечно, слаще.
Поэтому – кто вас сюда заслал,
Свой дикий Запад слава,
К славе вящей,
Решили сделать диким
Наш Урал...*

[Парамонов 2016: 91].

«Русь» для «сермяжного» героя является той великой ценностью, ради которой он готов на мужественный поступок. Только настоящая любовь к родине может высвободить в русском человеке спящие в нем силы, поднять его на бунт, совершаемый во имя спасения родной земли:

*Вон как умело жрет собачья стая:
Прилежно – за себя и за народ,
В своем лице старательно спасая
Твои – менталитет и генофонд...*

*И ты, холодной яростью томимый,
Взираешь на непрошенных гостей.
Еще чуток – и вспомнится, как с ними
Однажды разобрался
Одиссей...*

[Парамонов 2016: 64].

Человек, осознавший свою ответственность за прошлое и настоящее, за судьбу родины, за свое слово и дело, раскрывается как субъект истории, как её творец, преодолевая, таким образом, «синдром толпы» и обретая внутреннюю свободу. Исследователь В.Е. Логинов, осмысляя современную историческую и социокультурную ситуацию, пишет следующее: «Сегодня необходимо понять: кто же мы по своему социально-психологическому состоянию, способны ли мы, как единый народ, оказать воздействие на выбор своего исторического развития, способны ли мы контролировать процесс движения нашего общества к избранной всеми нами гуманной цели... Многие десятилетия сталинизма, массовых репрессий, насильственной коллективизации, застоя далеко не в лучшем направлении воздействовали на социально-психологическую атмосферу в обществе. Элементы ханжества, лицемерия, приспособленчества, привычка жить по указке сверху, утрата личной инициативы, подозрительность, зависть получили в нем широкое распространение. Все это и есть те социально-психологические черты, которые характеризуют состояние толпы. Выход из этого состояния толпы будет происходить не просто и, видимо, займет определенный длительный этап в развитии России» [Логинов 1997: 199].

О необходимости этого выхода и говорит В. Парамонов, решая вопрос о роли личности в истории в ключе философской антропологии: человеку важно осознать, что он и есть непосредственный участник исторического процесса, что история осуществляется не стихийно, а как результат деятельности субъектов историко-культурного процесса. По мысли поэта, время определяется человеком: лицо отдельно взятого человека и есть лицо времени, в котором он живет:

*Покуда мысль жива и сердце бьется
И облететь спешат календари,
История не пишется – живется,
И ты, по мере сил, её твори*

[Парамонов 2016: 78].

Пока человек снимает с себя ответственность за исторический момент, отстраняясь от участия в общественной жизни и рабски уповая на очередного «монарха», «долго будет родина больна», по выражению А. Блока. Но как только человек по-настоящему прочувствует боль за родную землю, в нем может пробудиться то активное начало, которое станет залогом творческой деятельности, направленной на

созидание. Поэт, развенчивая порок «слепого поклонения» и «слепой ярости» по отношению к культам, утверждает ценность все принимающей, все прощающей любви к родине. В этой любви и рождается Личность:

*Да плюс еще слепая и горячая –
Все с той же неизбежной рифмой «кровь» –
До жалости несчастная и жгучая
К Отчизне безответная любовь...*

[Парамонов 2016: 13].

Любовь к Отчизне по существу своему трагична, поскольку самозабвенная и жертвенна, чему являются подтверждением судьбы русской интеллигенции. Интертекстуальный пласт лирики Парамонова связан с именами Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Некрасова, Блока – художниками, для которых вопрос о пути России, о её грядущем преображении и великом предназначении, о роли народа и личности в истории всегда стоял очень остро. Дело русского писателя – служить родине через творчество, утверждая словом «дух гражданства», идеал свободы, правды, мужества и осмысленного отношения к эпохе. Именно такой путь и выбрал Владимир Парамонов, глубоко осознавая всю сложность и драматичность этого пути, смысл которого – в развенчании «каменного века», в упрямом делании добра. Это высокий путь, по которому идет Личность, преображая мир и преображаясь сама:

*И, словно узник взаперти, –
Свободы сладкое мгновенье
Предвосхитив, я впереди
Увижу Подвиг
И Горенье.*

*И вспыхнет Путь,
Благой порыв –
Стрелой луча сквозь хаос людный,
Звезду мечты соединив
И тусклый миг сиюминутный*

[Парамонов 2016: 26].

Это путь жертвенного служения Истине, пример которого автор находит, прежде всего, в Библии:

*Сеятель
Разбрасывает камни.
И – через положенные годы
Лопаются каменные грани
И дают устойчивые всходы.*

*А при всем при том, отметить нужно:
Хоть и трудоемкая работа,
Но растут они довольно дружно,
Если их растить надумал кто-то.*

*А иначе есть угроза: коли
Эти всходы не стеречь упорно, –
Явится другой на это поле,
И пройдет, разбрасывая
Зерна.*

*Зернышко – пустяк, судьбы ехидство...
Но угрозы нет страшнее,
Ибо –
В трещинке оно укоренится –
И взорвется
Каменная глыба...*

*И тогда уже добра не ждите:
Каменный Ваш век
Придет в упадок.
Ох, не засоряйте! Ох, блюдите
Кущи ваших каменных посадок!*

*И блюдет поля свои ревнитель –
Чтоб никто их духом не коснулся.
... Иоанн Захарьевич Креститель
С этим непосредственно
Столкнулся*

[Парамонов 2016: 39-40].

За правдивое, созидательное слово поэт расплачивается жизнью. Сверхзадача русского писателя всегда заключалась в том, чтобы биографией подтвердить подлинность творчества. Владимир Парамонов скоростно скончался в 2001 году от очередного инфаркта – на самом исходе той эпохи, которую он переживал с постоянной болью в сердце.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. VII. – М., 1954. – С. 534.

Богомолова З.А. Песня над Чепцой и Камой. – М.: Современник, 1981. – 352 с.

Зайцев В.А. О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2009. №4. С. 13-38.

Злотников Н. Рецензия на рукопись книги стихов Вл. Парамонова «Планета ЖИЗНЬ» // Злотников Н. Слепой поводырь. Воспоминания. – Ижевск, 2003. – С. 115-120.

Корамыслов А. Парамонов Владимир Васильевич // Парамонов В.В. Переходный возраст. Стихотворения. – Ижевск: КнигоГрад, 2016. – с. 4-6.

Логинов В.Е. Роль личности в истории: анализ философских концепций // Метаморфозы истории. – №1, 1997. – С. 197-208.

Парамонов В.В. Переходный возраст. Стихотворения. – Ижевск: КнигоГрад, 2016. – 236 с.

Плеханова И.И. Русская поэзия 50-80-х годов XX века: Учеб. пособие. – Иркутск, 2007. – 352 с.

Поскребышев О. Предисловие // Парамонов В.В. Беспokoйство. Стихи. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – С. 5-8.

Розенберг И. «В пучину звезд закидываю трал» // Воткинские вести, 1995. №199. – С. 3.

Рыбальченко Т.Л. Плеханова И.И. Русская поэзия... // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. №1. С. 123-128.

Стиркин А.Г. Философия: Учебник. – М.: Гардарики, 2002. – 736 с.
Хрущева Е.Н. Итоги литературного года – 2003 // Филологический класс. 2004, №12. – С. 90-97.

Чулков В. Не только о стихах // Удмуртская правда, 1989. № 206. – С. 3.